

УЧАСТНИКИ РЫНКА

PEN NAME

Pen Name

Участники рынка

«Издательские решения»

Name P.

Участники рынка / P. Name — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-854492-7

Социальный триллер. Олигархи гадят друг другу руками отставных кагебешников, а у банкиров чубы трещат. Богатство и разорение, надежда и предательство, месть, «клубничка», чертовщина, два трупа. Дурацкий случай, который свел мужчину и женщину на всю жизнь. Так ведь не бывает, правда? Действие относится к тем незабвенным временам, когда доллар стоил 35 рублей, и основано на реальных событиях.

ISBN 978-5-44-854492-7

© Name P.
© Издательские решения

Содержание

I		6
	Русский лес	6
	Культура бритых яиц	8
	Эшторил	10
	Коммунист	12
	Девочка для Мариванны	14
	Психомодель поведения	17
	Закрытие сезона	19
	Операционная модель	21
	Фитнесс	23
	Трогательная марина	24
	Милый Вася	27
	Управление риском	29
	Динамо	33
	Логически мыслимые варианты	35
	Конец ознакомительного фрагмента.	37

Участники рынка

Pen Name

© Pen Name, 2017

ISBN 978-5-4485-4492-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

I

Русский лес

Километрах в десяти от Подольска, если ехать по Варшавскому шоссе из Москвы, справа от трассы, на холме, расположена заправочная станция сибирской нефтяной компании. Корпоративный штандарт реет над кубиком кассы, крылья навесов укрывают журавлиные ноги металлических опор. Магазина сопутствующих товаров на станции нет, и в смену здесь работает всего один человек. Смешанный лес вплотную обступает сооружение со всех кроме трассы сторон.

Оператор – мужчина лет сорока, с морщинистым, небрежно побритым лицом – работает здесь уже много лет и точно знает время наплыва посетителей. В «пустые» часы он, заперев по инструкции железную дверь, выходит из домика и сразу оказывается в лесу. Здесь хорошо даже зимой, когда снег валится за шиворот с еловых лап, чудесно осенью и весной, и сказочно прекрасно летом. В любую жару пятнистая тень листьев дарит истомленному путнику покой и прохладу.

Сейчас, во втором часу дня, оператор первый раз за смену вышел из помещения. Он развел руки в стороны, сделал глубокий вдох, и постоял некоторое время, закрыв глаза. Ему предстояло торчать на работе еще почти сутки. Смена заканчивалась в десять утра, а в свой поселок городского типа он ездил на междугороднем автобусе, притормаживающем на минуту у заправки. За пять лет он перезнакомился со всеми водителями маршрута Москва – Тула. Оператор находился в возрасте комфортного существования – привычки устоялись, а до старости еще далеко. Но сегодня почему-то было скучно. Ничего, скоро вернется Глеб из Парижа, потрепемся...

Закурив, мужчина посмотрел вдоль трассы в сторону Подольска и Москвы. С холма трасса просматривалась хорошо, и было видно, как по серой, плавно искривленной нитке, движется группа черных машин. Даже с расстояния в три-четыре километра, было понятно, что машины идут на очень высокой скорости, и на минимальной дистанции друг от друга. Он затушил сигарету о землю и шагнул к двери.

Минуту спустя четыре черных джипа уже сворачивали к заправке. Из первого выскочили два хлопца в черных же костюмах, метнулись по неистовой жаре к окошку кассы, забарабанили в стекло.

– Открыл, командир. Быстренько. Хозяин приехал.

Оператору на эти понты было плевать, он жил по инструкции.

– Будете ломиться – нажму тревожную кнопку. Если заправить, вставляем пистолет и кладем деньги в лоток.

– Ты чо, дятел, не понял? – округлив глаза зашипел первый молодой человек, но второй уже набирал номер на мобильнике.

Из предпоследней машины выгрузился аккуратный, небольшого роста человек с бородкой и, окруженный еще десятком типов в костюмах и галстуках, бойко двинулся к строению кассы. По пути он с любопытством оглядывал все окружающие его предметы с таким примерно видом, как хозяин оглядывает хлам в сарае, куда заглянул впервые за десять лет.

Парень, стоявший перед окном, закончил разговор и выжидающе смотрел сквозь мутное стекло на оператора. Наверное, отдал приказ сбросить на эту лавочку атомную бомбу и хочет убедиться в его выполнении: понюхать гарь, плюнуть в золу или помочиться... Оба стоявших у оператора на столе телефона зазвонили одновременно непрерывным сигналом, и он снял сразу две трубки. Два голоса разной тональности, но одинаково противные, из Москвы

и Подольска, закричали одновременно, суля ужасные кары. Непосредственный начальник из Подольска голосом высоким и тонким кричал громче своего начальника из Москвы, но тот, голосом грубым и низким, кричал еще громче. Оба, в сочетании со словами «основной акционер» и «председатель совета директоров», называли имя и отчество прибывшего, которое в голове оператора никак не застревало.

Пару минут оператор ждал паузу, но, так как ее не было, перешел на язык жестов, и, с помощью всего трех слов, объяснил абонентам, что если он сделает, то на чем они настаивают, его точно уволят. В ответ голоса, теперь уже имея в виду себя, закричали так горько и жалобно – про голодных детей, лишение пенсии, волчий билет и все то остальное, что кричат суетные семейные люди перед угрозой потери куска хлеба – что оператору стало стыдно за весь род человеческий, он буркнул: «ладно», положил обе трубки одновременно и пошел открывать дверь.

Парни уже стояли на пороге и моментально подвинули его внутрь помещения, тут же заполнившегося бородатым господином и его свитой. Оба телефона опять сорвались с цепи, и зажатый в угол оператор снова подхватил две трубки. Голоса синхронно выдохнули: «С бородой! С бородой!», произнесли тут же забывшееся имя, воззвали: «Ради Христа, ведите себя прилично!» и отключились. В одной из трубок ему послышалось сдавленное рыдание.

Бородатый, с нервным лицом, человек тем временем осматривал внутренности помещения. На сейфе и компьютере его острый взгляд задержался чуть дольше, чем на всех остальных предметах. Молодой, но очень солидного вида, мужчина, изящно склонившись к уху бородатого, давал необходимые пояснения. Звучали слова «точка продаж», «вертикальная интеграция» и «местная специфика». Несколько раз изогнутый взглянул на оператора, и оказалось, что взгляд его обладает замечательной динамикой: направленный на олицетворение местной специфики он источал ледяную строгость, переведенный же в сторону бородатого, моментально расцветал нежностью и восхищением. Члены свиты, смотрели на хозяина, не обращая внимания на творящееся вокруг; чуть более свободным поведением выделялся стоящий в заднем ряду дядька, на чьей деревенской физиономии виделся хотя бы некоторый оттенок скуки.

Наконец бородатый господин удовлетворенно кивнул и повернулся к выходу, вызвав сумятицу в толпе сопровождающих. Часть из них выскочила наружу, часть вжалась в стены, пропуская шефа к двери. Молодые люди покинули помещение предпоследними, втихаря показав оператору кулак. Дядька с деревенской мордой остался внутри.

– Премия тебе будет. Шефу понравилось. – Он засунул руки в карманы мешковато сидящего костюма. – Ты хоть понял? Это Карл Карлович.

Он назвал фамилию и тут в голове у оператора все, наконец, склеилось. Эту фамилию знали если не все, то многие. Тут он заметил, что галстук у дядьки в мешковатом костюме не завязан узлом, а держится на резиночке – на армейский манер. Больше ничего интересного разглядеть не удалось, потому что собеседник, решив, что ответа не дожидается, вяло махнул рукой и вышел из комнаты, напоследок посоветовав онемевшему от счастья оператору запереть дверь на замок.

Джипы умчались по трассе сторону Тулы, а оператор, закрывая дверь, почему-то подумал, что на самом деле бородатого мужчину зовут как-то иначе – не так, как озвучил мужик с деревенской мордой, но, когда кто-то из свиты произносит его имя и отчество, то все окружающие слышат именно эти слова: Карл Карлович. Как с Крошкой Цахесом, та же история. Журналисты, правда, называли этого Крошку Цахеса по имени и фамилии, на западный манер, как у них это принято в отношении практически всех, за исключением, президента. Поэтому он сразу и не среагировал.

Культура бритых яиц

Ваза с фруктами, бутылки, блюдо с розовой горой раков и креветок – все было сдвинуто на край длинного деревянного стола. На свободное место волосатая рука возложила маслину, и мужественный голос произнес:

– Не успеешь доползти на счет двадцать – получишь по жопе, поняла?

Метрах в трех от маслины, животом на деревянной поверхности, лежит голая девка со связанными за спиной руками. Неуклюже задевая столешницу подбородком, она кивнула головой.

– Да, Господин.

Спортивный коротко стриженный брюнет шагнул в ее сторону, взмахнул плеткой и начал отсчет.

– Раз...

Извиваясь всем телом, девица поползла вперед. Сидящий на диване толстый человек поднял рюмку водки и произнес чудесным, оперного тембра, голосом:

– Па-а-алзет, сука...

Он со смаком выпил и закусил лимоном. Ему далеко за пятьдесят, красное лицо обрамлено большими щеками, седые волосы клубятся на мощной груди. На счет «десять» девица преодолела половину дистанции. Толстяк, сложив руки на животе, смотрел на нее с улыбкой. Здесь хорошо: обширная студия оборудована всем необходимым – крест у стены, широкая лавка с колодками в головах, гинекологическое кресло, приспособление для подвешивания. Блики света плавно покачивались на потолке, вторя слабым движениям воды в небольшом бассейне.

– Восемнадцать, девятнадцать...

Женская голова была уже рядом с маслиной и попыталась взять ее распухшими губами, но толстый человек схватил со стола маслину и отправил себе в рот. Оперный голос возвестил:

– Не успела, лапуля! Дай ей по жопе, Стас!

Брюнет, примерившись, отвесил пару ударов средней силы, девица, закусив губу, мотнула головой.

Толстяк приступил к креветкам. Девушка теперь сидела на столе, ее руки были скованы за спиной наручниками. Стас зажал левый сосок прищепкой, барышня шевельнула плечами пытаясь отодвинуться, но мастер, твердо взяв ее за плечо, вернул тело в исходное положение. Вторая прищепка надета на правый сосок, ногти девушки впились в ладони, она закрыла глаза. Движениями стоящего у мольберта художника Стас нанизал еще дюжину, теперь гирлянда прищепок повторяла своей линией овал груди. Отступив на шаг, он полюбовался результатом, вернулся к столу, выпил водки, погладил себя по бритому паху. Фигура девушки напоминала бронзовую статуэтку: прямая спина, ягодицы покоятся на пятках, согнутые в коленях ноги радуют глаз овалом бедра и рельефной мышцей голени. Красота, скорее всего, и в самом деле спасет мир, больше-то нечему...

Толстый мужчина проглотил очередную креветку и, глядя на девушку, обратился к Стасу, возвращаясь к своей любимой теме:

– Ты, Стасик, думаешь, система изменилась? Хэ! Не валяйте дурку! «Конкурыночные» отношения для тех дурачков, что с лотка торгуют! И тех невидимая рука Лужкова регулирует...

Толстяк поднял палец, и звук его мелодичного голоса сделал слова особенно убедительными.

– Вы знаете правила. И, бля, себя, бля, по ним ведите... Попал – терпи. Не сахарный. Потерпишь – предложим синекуру. Немного погода... Если ты не пуп земли.

Не первый раз внимающий этой мудрости Стас встрял в монолог:

– А если – пуп?

– Тогда – в Лондон! Пацаны, которым правила не писаны, там тусят. Борются за права арабских негров и беспризорных кагебешников... Если доехать успевают...

Дождавшись паузы, девушка робко обратилась к Стасу:

– Больно, Господин.

Тот покачал головой:

– Терпи и улыбайся, сучка.

Толстяк кивнул и назидательно покачал пальцем.

– Все правильно: слабый – терпи! Слабый – молчи! Это – по правилам.

Оторванная голова креветки упала в тарелку.

– Сильный насилует слабого – вот и весь рынок. А тот должен улыбаться.

Была какая-то странная гармония в очертаниях подтянутого живота и сильных бедер девушки и расслабленного брюха обладателя оперного голоса. Проникшись ею, толстяк погладил свое чрево пятерней. Его пространные речи были результатом хорошего настроения, он расчувствовался настолько, что, когда девица отправилась в душ, понизив голос, доверительно обратился к брюнету:

– Я, Стасик, хочу, вам с Глебом свою долю продать. Заебал меня этот ваш банковский бизнес. Завод в Индии начинаю строить, родинка между ушей в качестве товарного знака и всякое такое...

Глаза Стаса вспыхнули, схватив лежащий на диване мобильный телефон он подбросил его и ловко поймал:

– Это очень интересно, Евгений Павлович!

Эшторил

Самолет из Парижа прилетел в Лиссабон поздно вечером, в отеле они оказались уже ночью и первым впечатлением от океана стал запах. Утром, взяв машину напрокат, они поехали из курортного Эшторила в Лиссабон. Однополосная, с редкими местами для разворотов, дорога вилась вдоль берега, с левой стороны крошечные домики облепляли возвышенности, узкие улочки взбирались вглубь материка. Справа коричневая, серьезная волна катила на серую стрелу пирса, гнала перед собой запах соли и прибоя, рейд пестрел многоцветием яхт, солнце таяло в очень светлом небе. Дорога до столицы Португалии заняла полчаса.

«Эшторил... Лишбоа... Вашко Да Гама» – бубнил гид. Эшторил... Европа была не здесь, это точно. Аристократическая резервация времен второй мировой войны закончилась рыбацким поселком и самым большим (и бестолковым) казино в Европе. Гуляя в Лиссабоне по набережной реки, впадающей в океан, они подошли к башне серого камня, изображенной на всех сувенирах. Отсюда, напутствуемые генералом Салазаром, каравеллы отправлялись открывать Африку, Америку и прочие белые пятна. Паша обошел вокруг, восхищенно всматриваясь в зубцы стен, башенки, бойницы. «Настоящая!» – крикнул он, показывая рукой на сооружение. «Мама, сфоткай меня!».

Примитивные формы башни, простота пейзажа – широкая река, покрытая лесом гора на другом берегу – только подчеркивали грубое величие этого места. Орнамент стен храма XV века, где преклоняли колени все моряки, вернувшиеся из экспедиций, вился морскими узлами, статуи королей и королев надменно выступали из серого камня.

На карте мира, выложенной во всю площадь из красного и белого мрамора, благодарно подаренного Португалии Южно-Африканской Республикой, стрелками были обозначены маршруты португальских мореплавателей. Павлик медленными важными шагами, всматриваясь в контуры континентов, обошел все маршруты. Он читал вслух имена капитанов и даты, Светлана снимала сына на видеокамеру. За время этого кругосветного путешествия Глеб успел выкурить три сигареты.

После обеда они гуляли по берегу океана в Эшториле. Отлив, подчеркивая пустоту пляжа, обнажал навал каменных кругляшей, собиратели морских гадов брели среди них с ведрами в руках. Крохотные кабачки со смуглыми, черноволосыми официантами, во множестве ютились у берега. В таких количествах существовать они могли только за счет кормления групп, прибывающих на бизнес-форумы. Прошлогодняя реклама увядала на облезавшем баннере, ветер бил в выпуклость каменной стены, грудь обращенной к воде, стада пенсионеров в длинных шортах трусцой обегали океан. Некоторые упорно крутили педали бесплатных, грубо, но прочно сделанных велотренажеров, вонзенных в бетон набережной.

Их отель приткнулся через дорогу от пляжа рядом с заброшенным соседом (заколоченные двери первого этажа, рекламный плакат прошлогоднего чемпионата серфингистов высотой в остальные одиннадцать). Стекло, бетон и мрамор диковато смотрелись рядом с колумбовой вечностью океана. Призмы прозрачных лифтов, гудели на восемь этажей вверх, язык бассейна «с эффектом бесконечного края» нависал над автотрассой. Тонкая линия горизонта была белой, волна у берега – серо-коричневой, песок – рыжим.

На следующий день они поехали в Cabo de Roca – самую западную точку Европы. Через несколько километров после выезда из Лиссабона дорога стала петлять между высокими, покрытыми густым низкорослым лесом, холмами, подниматься на гору и круто спускаться вниз. День выдался пасмурный, тяжелые тучи скрывали солнце, снимки окрестностей выходили неважными. Через час с вершины очередного холма стал виден океан, а еще через двадцать минут они достигли цели путешествия.

Оставив машину на пустой площадке для парковки, они двинулись к берегу, поросшему густым низким кустарником и плотной травой. Впереди, почти на краю обрыва, был установлен узкий обелиск грубого камня с крестом наверху. Справа осталась окруженная одноэтажными постройками белая прямоугольная башенка с красным цилиндром маяка на ней. Обелиск был отгорожен от обрыва низким каменным забором. Глеб взял сына за руку и, под Светкины возгласы «Осторожно» и «Не надо!» выдвинулся в опасную зону. Самый край берега был истоптан ногами смельчаков, зеленая поросль продолжалась на вертикально уходивших вниз скалах. Метров сто пятьдесят – двести, ага... Внизу полдюжины острых утесов были окружены кольцами пены, вода у берега была почти бурой, чуть дальше – серо-синей, еще дальше голубой, а у самого горизонта – прозрачно-воздушной. Линии горизонта почти не было видно. Они стояли на краю земли и отсюда, с крутого берега, казалось, что вдали гладь океана опускается вниз, погибает, возникало ощущение округлости земли, ощущение пропасти, и там, далеко, в этой пропасти, была Америка.

Когда мать загнала мужчин в безопасную зону Паша заявил:

– Мой микроорганизм ищет пищу!

Раскинув руки в стороны, он закурился на месте, оглядывая окрестности.

– Нашел! Вон там Макдональдс!

Но там был не Макдональдс, Паша ошибся, приняв за него красно-желтую рекламу магазина сувениров. После некоторых препирательств микроорганизм согласился на рыбный ресторан.

По возвращении в Эшторил Паша героически искупался в океане, был отмыт от песка в ванной и в девять вечера уже спал; родители с бутылкой портвейна за пятьдесят евро устроились за столиком на балконе. Темнело здесь быстро. Свет в комнате за стеклянной стеной был выключен, впереди висела непроглядная тьма неба, груды лодок покачивались на черной, тускло подсвеченной огнями круглосуточного супермаркета, воде, воздух пах жирными водорослями. На идущей вдоль берега дороге и невидимом пляже было очень тихо.

Последние несколько минут они сидели молча, и Глебу показалось, что жена взглянула на него, пряча улыбку. Он разлил остатки вина по бокалам, затушил в пепельнице сигарету.

Они стояли в ванной, он держал душ над ее головой. Струйки воды буравили волосы, капли разбегались по смуглой спине, стекались в ручеек вдоль позвоночника, к ложбинке между ягодицами. Пена толстым шарфом сползала по плечам вниз. Горячее бедро, маленькая белая грудь, мокрые, гладким шлемом облегли голову волосы. Она повернулась к нему лицом, коснулась рукой живота...

Коммунист

Хромированный «мобил», имитация вечного двигателя, суетливо двигал поршнями, стоя на краю круглого стола огромного диаметра. Белые шторы, цековскими рюшечками спускались к полу, плотно закрывая высокие окна, выступающие из стен колонны сдержанно сияли золотом – власть, на регулярной основе, встречалась с крупным бизнесом. Первый канал и «Россия» взгромодили оборудование на постоянных местах, прочая корреспондентская саранча облепила стены, тихонько ворочалась, целила объективами. Публичность действия заранее отметала возможность содержательного разговора, но кто сказал, что целью сборища был серьезный разговор, а не имитация под запись, цирковое представление?

Пока расположившийся рядом с вечным двигателем Светлейший, нес позорную ерунду про «план конкретизации», капитаны бизнеса украдкой оглядывали галстуки и запонки друг друга. Это было своего рода спортом, ведь иные символы успеха доставить внутрь помещений, где они оказывались лицом к лицу, было невозможно. О более объемных символах можно было узнать только из кривого зеркала новостей. А запонки и галстуки (ношение часов в этом году считалось признаком безвкусицы) были, по выражению сидевшего за семь кресел от Светлейшего Шутника, атрибутом «сверхиндикативным». Это был их, капитанов, гамбургский счет.

Сидевший за три кресла от Светлейшего полный человек с неподвижным лицом картежника слегка надул губы, пытаясь разгладить морщины, спускающиеся вниз от широких ноздрей. Эта наивная привычка сформировалась у него лет тридцать назад. Ничего не получилось, он знал это, не глядя в зеркало, и чуть погодя, деликатно сдул губы. Полный человек всегда был очень вежливым и соблюдал приличия, дарил детским фондам купленные на Сотбис погремушки и поддерживал науку, но с определенного момента, что-то в его мироощущении изменилось, и это что-то было его чувством юмора. Жизнь в его представлении очень упростилась, в ней больше не было загадки, он почти перестал получать удовольствие от того, что конструировал ситуации и наблюдал судорожные в этих ситуациях людские шевеления. Раньше это было забавным, но после перенесенного несколько лет назад инфаркта его жизнь как-то сдвинулась, перестала быть радостью и превратилась в несмешной анекдот. Было понятно, в рамках этого анекдота, о чем, собственно, речь, но смешно уже не было. Маэстро, излагающий полный несуразностей и выдуманных чудес план конкретизации, был понятен, но не смешон. Ничтожный план разваливался двумя простыми вопросами, но никто из присутствующих задать их не посмел, они слушали не перебивая, отрабатывали номер. Видимость, как обычно, была важнее сути.

Присутствующие вполне могли скинуться и купить себе другого Светлейшего, очередного сейла Газпрома и заведующего ядерными боеголовками, и если этого не делали, то только потому, что, уже давно став гражданами мира, интересовались происходящим здесь в той же мере, в какой городские жители интересуются разборками в дачном кооперативе. А еще потому, что им было трудновато между собой договориться – взаимная любовь со временем, чисто по-человечески, крепче не становилась, взаимное терпение уравнивалось, но интегрирующим фактором не являлось. Священная война за нефтяную трубу не знала конца.

Личное отношение к первым лицам страны у надувавшего губы человека сформировалось во времена перестройки. Будучи родом оттуда же, откуда все остальные – из нор дремучего социализма – раньше он видел в первых лицах страны символ и предполагал у них, хотя бы минимальное, наличие ответственности за довольно-таки большой кусок суши. При всей их недалекости, чванстве, стервозности и так далее. Но перестроечные кренделя это отношение изменили. Он воочию увидел человека, который «съел чижика». Он не знал лучшего примера, более подходящей иллюстрации к Щедринскому «Медведю на воеводстве». Кажется, остробородый, с гневным взором генерал-губернатор имеет в виду именно эту историю.

Человека позвали «приводить нас к общему знаменателю», рулить шестой частью суши, а он чижика съел! Все просрал, пустил по ветру, задешево продал и закончил свою карьеру, снимаясь в рекламе пиццы! Конкретно полному человеку от этого стало только лучше, он взмыл вверх так круто, как не мог и мечтать при старой системе, но степень его изумления нелепыми поступками дегенерата на воеводстве с годами только усиливалась.

Своего отношения к поедателю чижика он не скрывал, чем заслужил почти официальное прозвище «Коммунист». Он был не против. С его позицией в списке журнала «Форбс» это выглядело весьма элегантно, да и коммуникацию с угнетенными массами облегчало. Время от времени он даже давал деньги на разработку новой идеологии, основанной на идее социальной справедливости, но результаты каждый раз разочаровывали. То ли авторы попадались бесталанные, не могущие толком изложить то, во что не верили сами, то ли идеологии такого рода вообще перевелись.

Встреча бизнеса и власти текла своим чередом. Присутствующих попросили высказаться и невысокий, с бородкой на нервном лице, человек (четвертое, считая от Светлейшего, кресло), вежливо объяснил изобретателю велосипеда, что возглавляемый им холдинг уже является образцом внедрения методов конкретизации в производство, одним из наиболее конкретизированных предприятий России и, пожалуй-таки, даже Европы. В слове Европа говорящий явственно нажимал на согласный звук «й» в первом слоге. Он привел ряд ярких примеров, и завершил свое выступление завернутой в придаточное предложение социальной ответственностью бизнеса.

Слегка потускневшее после выступления бородатого лицо главного слушателя осветилось надеждой, когда слово предоставили Коммунисту. Тот, отметив своевременность и значимость плана конкретизации для обеспечения устойчивого роста российской экономики, выразил полное согласие и готовность участвовать всеми силами. Далее, однако, Коммунист объяснил, что государственная помощь, и, в первую очередь, именно его корпорации, есть первоочередной и решающий фактор. Без государственной поддержки крупного бизнеса, никакой конкретизации не будет. Коммунист горестно вздохнул и развел руками. Чиновничий выводок был представлен на совещании двумя семьями – мужья вице-премьеры, жены – министры. Белобрысая госпожа министерша, собрав губы в узелок, бросила на него взгляд полный ненависти. Мозги деликатно прикрыты челкой, пудровая брошь украшает декольте. «Какие прекрасные лица!» – в который раз подумал Коммунист. И как бесконечно грустны! Царевич, императрица...

Лицо первого лица потускнело совершенно. Последовавшее жополизское выступление государственного банкира впечатление исправить уже не могло, как и трубопроводная сказка про белого бычка. Светлейший задал вопрос и услышал ответ, обмен информацией состоялся, можно было переходить к водным процедурам. Заметив что «мобил» на столе остановился, он качнул узким, смешно смотрившимся на фоне мощной лепки каминного фасада, плечиком, и раздраженно ткнул в конструкцию пальцем.

Девочка для Мариванны

Галстук был хорош всем – красивый, приятный на ощупь, но вязался отвратительно. А выяснилось это только сегодня, когда, впервые его одев и опаздывая на встречу, Глеб стал завязывать узел. Всю дорогу до Москвы он ощущал неудобство, злобствовал, думал перевязать гада, но дорожная обстановка этому не способствовала. Почти доехав до места, он выслушал телефонный звонок об отмене встречи и извинениями, облегченно вздохнул, сорвал галстук с шеи и отправился в офис. Дата и время были назначены еще до отпуска, в его отсутствие неоднократно подтверждались, и вот...

Как всегда, по возвращении из более или менее цивилизованной заграницы, Москва задавливала шумом, скоростью, духотой и невидимым, не имеющим запаха, но явно, шестым московским чувством различаемым, умственным смогом. Слово «чума» само вспухало на губах... Вдоль Тверского бульвара густо текла утренняя толпа, в поисках парковки в правом ряду бестолково ворочались автомобили, снежинки тополиного пуха парили в воздухе. Один охранник открыл шлагбаум, преграждающий въезд через арку в тесный дворик, другой отодвинул заграждение, резервирующее место для машины председателя правления и приветственно улыбнулся. «С возвращением, Глеб Сергеевич!» – читалось в его глазах, но рта он открыть не посмел. Дрессированный.

Не заходя к себе, он сразу направился к заместителю – узнать новости. Стена за письменным столом сияла грамотами: «Настоящий сертификат выдан Станиславу Леонидовичу Умецкому в том, что...». Достоянейший Станислав Леонидович, широко улыбаясь, встал из-за стола.

– Как съездили? Могиле Герцена поклонились?

– Она в Лондоне.

– Забыл!

Глеб вытер моментально остывший пот со лба.

– Ну и кондиционер у тебя.

– Ага, настоящий, как в морге.

Письменный стол был загроможден двумя мониторами, завален стопками финансовых журналов и газет, внутри высокого, стоящего в углу кабинета, аквариума шевелились разноцветные рыбки. Утреннее солнце сквозь широкое окно освещало «красный угол» кабинета – часть стены, украшенную иконой Путина и призами за победы в гольф-турнирах. Потирая руки Стас докладывал.

– За неделю ничего плохого не случилось и есть хорошая новость. – Он с интересом посмотрел на собеседника: как тот прореагирует? – Палыч хочет свою долю продать. Нам предлагает.

Глеб потер подбородок. Который раз Палыч манил их этой морковкой, но в последний момент всегда давал задний ход. И каждый раз Станислав Леонидович чрезвычайно, в предвкушении иного порядка распределения дивидендов, возбуждался. А после очередного облома также чрезвычайно расстраивался, хотя, после третьей попытки пора было бы уже научиться воспринимать Палычевы посулы более спокойно. Глеб сдержанно, не глядя Стасу в глаза, произнес.

– Давай подумаем, это интересно... Что еще?

– Мариванна девочку хочет взять, одна зашивается.

– Полковник завизировал?

Стас кивнул.

– Это ее дальняя родственница, и Мариванна ручается и Полковник не против.

– Что за девочка? Ты ее видел?

Станислав Леонидович пожал плечами.

– Двадцать один год, энергетический закончила. Мариванна ее сто лет знает. Костя говорит: симпатичная, скромная.

Глеб слегка приподнял брови.

– Ты что не стоял за стеклом, когда Костя или Полковник?...

– Глеб... – Утомленный подробностями, Станислав Леонидович повел плечом.

Глеб преувеличенно, изображая изумление, вытаращил глаза. Его собеседник посмотрел на аквариум, бессмысленно пошевелил на столе мышкой. Пора было что-то отвечать.

– Можно объявить ей второе интервью, я постою за стеклом... ты сам, если хочешь...

После паузы Глеб любопытствовал:

– Не жалко?

– Чего?

– Девочку...

Стас скорчил кислую мину. Разговор этот начался еще во времена царя Хамураппи, на самой заре борьбы страха с жадностью, и смысла в нем не было никакого...

– Слушай, тогда надо только смертельно больных или законченных подонков на работу брать. Никто – ни одна девочка из РКО, ни все остальные девочки, беременные и не очень – никто, на хрен, не застрахован. Придут, положат лицом вниз, а потом все выяснится, всех простят и отпустят... Ты ж знаешь про Льва. А там – сама невинность, там все... практически стерильно.

Двигая по столу три мобильных телефона жестами наперсточника Глеб мрачно слушал собеседника.

– Нигде, на хер, не стерильно... – Он оттолкнул от себя все трубки разом. – Ты что, не понимаешь, о чем я? Ты ее к Мариванне берешь, а не в беременное РКО.

Стас акробатически шевельнул плечами.

– Глебаня, Байда есть везде. Везде сидят девочки и интеллигентные Кости ими рулят. От Байды никто не откажется, даже самые крупняки. А мы – просто не можем, это три четверти наших доходов...

Он развел руками:

– Мне вообще непонятно, почему я тебя агитирую. Ты что, нажил сотку грина и стал честным?

Его собеседник задумался, это был системный, основополагающий, базовый, на хрен, вопрос. Ответить на него можно было по-разному – в зависимости от аудитории, настроения, количества выпитого, ну и прочих, менее важных факторов. Наконец, он ответил.

– Ну, раз мы не кидаем клиентов и не бежим в Бразилию, то мы честные.

– А я тебе про что? А в другом смысле...

– А в другом – меня не волнует. Не я выдумал капитализм. Есть правила, мы по ним играем... Все очень просто, информационная безопасность – это вопрос благополучия нашей жопы.

– Так я и...

– Дай договорить... – Разозлившись, Глеб встал с кресла. – Нашей жопы! А ты кладешь на свои обязанности по отбору кадров.

– Один раз, Глеб! Она не с улицы. Я всю неделю пил с Палычем и переманивал зама в пластик... Полковник завизировал. Костя назначит второе интервью, я поприсутствую. – Исчерпав аргументы Стас вздохнул... – Знаешь, как говорят недалекие от посылания на хуй жены и любовницы? Мой милый, что тебе я сделала?

Глеб держал паузу, и собеседник трепетно ждал реплики, наконец, отвернувшись в сторону, председатель правления неохотно буркнул:

– Жены и любовницы малость по-разному говорят...

– Не так, Глеб!!! – Стас уже развеселился. – Жены и любовницы, СУКИ, малость по-разному говорят!
Глеб подавил смешок.
– Ладно.

Психомодель поведения

Обычно он надевал темные очки и поднимал воротник плаща, потому, что сегодняшнему идиоту нравилось играть в шпионов, но в этот раз кривляться не стал. Из тех же соображений, чтобы угодить клиенту, раз и навсегда было выбрано место: грязный, полутемный бар в спальном районе, стоящий в окружении серых многоэтажек неподалеку от железной дороги. Человек сидел здесь уже два часа, потягивал кислое пиво, курил и скучал. За час до назначенного времени он приехал по многолетней привычке, потому, что это было правильно, именно так и надо было делать. А второй час образовался из-за опоздания идиота, возможно – извинительного, ведь рабочий день у него был ненормированным.

Все это было ужасной рутинной, но он привык делать все тщательно и добросовестно, без халтуры. Кроме приварка к пенсии это давало некоторое ощущение куража, напоминало молодость и не давало скучать. Он был еще в очень приличной форме, бегал трусцой в парке рядом с домом, зимой часами ходил с внуками на лыжах, и только изредка у него начинал ныть бок, да так лихо, что на несколько дней приходилось превращаться в скрюченного полупаралитика. А потом опять отпускало...

Активный пенсионер сидел у окна и, помимо бармена и местных гопников, видел вход, часть двора перед ним и желтую стену бомбоубежища напротив. Черный BMW последней модели лихо подкатил к ступеням, водительская дверь открылась. Идиот снова приехал на машине к самому месту, хотя сколько раз было говорено...

Субтильный мальчишка в очень хорошем костюме уселся напротив. Веснушки на его щеках, особая примета, в красноватом полумраке забегаловки выглядели контрастнее обычного. Пришелец из мира бизнеса вывалил на стол плоский, не толще блокнота, ноутбук, многозначительно оглянулся по сторонам, завел шарманку, развернул экран так, чтобы было видно им обоим. Пенсионер вежливо наклонил голову. Оба персонажа пока помалкивали, мальчишка, подчеркивая свою значимость, ждал первой реплики от собеседника, а тот, понимая, чего от него ждут, немного сопротивлялся, держал паузу, собираясь уступить чуть погодя, помассировав мазохистскую струну в душе контрагента. Первый курс той самой школы, «психомодель поведения». Можно было бы этого и не делать, но пенсионер просто не умел халтурить. Наконец он негромко и проникновенно произнес:

– Я начал беспокоиться.

– Сегодня... ладно, не в-важно. Смотрите! – Парень, заелозил пальцем по обезьяньей площадке ноутбука.

На экране возник двуязычный текст, в русской части которого можно было разглядеть слова «проект контракта...», «... районе Китая», «государственные гарантии», а дальше шли длинные колонки цифр и красивые графики.

– Это б-б-удет подписано через месяц-два, но все уже договорено, задний ход никто не включит... Короче, это стратегия..., – парень сделал нервный жест рукой, заменяя им имя собственное, – на ближайшие три года. Тут еще есть разные доки, но суть в этом, остальное – г-г-он, приложение.

Он очень коротко, не удержавшись, хоть и давал себе зарок никогда так не делать, взглянул на собеседника, затем уставился в окно. Пенсионер сделал необходимую по сценарию паузу, во время которой в очередной раз подумал, какого еще черта надо этому сопляку с физиономией старшекурсника, получающему кучу денег за непильную работу на одного из самых богатых людей страны, имеющему нехуевую хату, новый BMW, и, наверное, кучу девок – при всей своей неказистости и заикании, потому, что бабки красивее самой гладкой рожи. Чего ему надо, молодому засранцу, даже не сумасшедшему, не наркоману (по состоянию на месяц назад, а там, кто его знает), происходящему из благополучной семьи? Какого черта?

Какого? Они все заражены сифилисом предательства, тягой к уничтожению того, что имеют, инстинктом смерти? Парень не похож на глупого, но, видно, у молодых свой ум... Пенсионер не собирався отвечать своему собеседнику сразу, у него было время подумать, но не про китайский же контракт, в самом деле...

– Пожалуй, это интересно – протянул пенсионер, и показал своему визави два вытянутых пальца, средний и указательный. – Так могу.

Мальчишка сделал важное лицо.

– Хорошо. И еще один момент. П-помните, зимой вы спрашивали о его личном участии, как дольщика?

Пенсионер сосредоточенно кивнул.

– Я тут нарыл... – молодой человек скривил губы, очевидно полагая, что это придает ему вид опытного, хорошо умеющего торговаться переговорщика. – Н-но хотелось бы п-поинтересоваться, как это будет оценено.

– А в чем суть?

– Он, как физическое лицо, акционер банка, занимающегося сомнительными д-делишками.

Пенсионер пожал плечами.

– По-моему, все банки такие.

– Д-да, но обычно реальный хозяин отгораживается от владения таким бизнесом подставными лицами, всякого рода п-прокладками, а тут фигурирует лично. Может быть, просто по забывчивости, не знаю, но это редкая, для п-персонажей его уровня, ситуация. Итак?

Пенсионеру показалось, что деньги в данном случае для мальчишки не очень важны. Ему просто хочется продемонстрировать свою ценность и ответственное отношение к делу. Сейчас он выдаст еще какие-нибудь подробности, похвалится содеянным...

– Тридцать процентов от обычной единицы. Пока непонятно как это использовать. Так... про запас...

Мальчишка быстро кивнул.

– Ок, д-договорились. На самом деле это – открытая информация, но не зная, что искать – б-бесполезно... Так что я п-просто пишу название на б-бумажке, а вы сами сможете проверить.

После ухода молодого человека пенсионер просидел в баре еще полчаса, наблюдая быт и нравы национальной окраины. Завтра у него будет еще одна встреча, на этот раз, почти в центре, рядом с метро Динамо. Гарью там, конечно, от Ленинградки хорошо тянет, даром, что Петровский парк рядом... А на выходные можно будет поехать на дачу, к внукам.

Заккрытие сезона

Глеб помог сыну уместить хоккейную сумку в багажник джипа, Светлана проверила крепления детского кресла. В выходные они ездили на Пашины тренировки всей семьей. Сын тренировался уже два года, катался он уже очень хорошо, а клюшкой ворочал пока не здорово, как все семилетние, силы в плечиках не хватало.

Рядом с ледовым дворцом копошилось множество машин, мальчики с огромными баулами спешили ко входу. Выскочив из джипа, Павлик взвалил сумку на плечо и побежал договаривать ребят. Светлана поздоровалась с женщинами, и, подойдя к широкоплечему седому мужчине в спортивном костюме, протянула ему конверт. Глеб подошел к группе мужчин, где ему сразу же протянули бутылку пива, и отрицательно помотал головой, демонстративно подкинув на ладони автомобильные ключи. Шагнувшая из-за спины Светлана отобрала у мужа ключи, и, взяв у мужиков бутылку пива, вручила ее Глебу.

Мужчина бычьей внешности в спортивных штанах придвинулся к Глебу с широкой улыбкой, обнял его за плечи.

– Здравствуй, Глебаня, дорогой!

Глеб улыбнулся, хлопнул быка по плечу:

– Здорово, Серега!

– Сегодня Люберецких надерем!

Могучий Серега растопырил ручищи.

– Слушай, восьмикратный предлагает спорткласс организовать, тут гимназия рядом. Можно договориться, ну, чтобы учителя там нормальные... И лед рядом. Пусть пацанчики вместе в первый класс идут, и кататься будут каждый день. Как ты думаешь, потянем?

Глеб залпом проглотил половину бутылки, вытер рот рукой.

– С директрисой надо поговорить. Давай к ней сунемся... я не думаю, что сильно дорого будет.

Бык радостно кивнул.

– Класс!

– Надо чтобы они не только на лед ходили, а учиться – тоже...

Бычара, растопыривая огромные пятерни, рассмеялся.

– Это пусть училки смотрят. И матери!

Он кивнул в сторону Светланы, которая разговаривала с очень красивой, высокой и полной женщиной, чем-то неуловимо похожей на быка Серегу.

Под потолком огромного зала рядами висели флаги. Цветные кресла пустых секторов круто шли вверх, родители расположились на первом и втором рядах, рядом с белым овалом льда, сразу за скамейкой запасных. Здесь был ощутим низкий рокот холодильных установок, легким ознобом брало ноги. Крошечные хоккеистки в ярко-красной форме гуськом потянулись на площадку, постукивая коньками по резиновой дорожке и переваливаясь на ходу как идущие к трапу космонавты. Пробравшийся к самой скамейке Бык заколотил кулаком по бортику:

– Настроились, мужики!

Два щекастых крепеньких паренька, проходя мимо отца, приветственно взмахнули клюшками – «Два Ивана», «яркая демонстрация умственных способностей моего муженька» – по ядовитому замечанию Лены.

После разминки команды выстроились для приветствия, оставили на льду стартовые составы, судья вбросил шайбу, и площадка наполнилась деревянным стуком клюшек, хрустом скользящих по льду коньков и глухими резиновыми ударами шайбы. Отцы вскакивали с места, размахивая руками и рассыпая чипсы из пакетиков, издавали разочарованные стоны и хва-

тались за головы. Матери вели себя поспокойнее, в основном переживая чреватую ушибами и синяками борьбу у борта.

Предсказание Быка сбывалось, «Люберецкие», в основном держали оборону, преимущество было у наших, но счет не был открыт. Оба Ивана упустили по верному моменту, и отцовский кулак сокрушил по этому поводу соседнее пластиковое кресло. Лена даже не стала шипеть на мужа, просто пересела от него подальше. Первый период подходил к концу, когда красные намертво заперли ярко-синих люберецких в зоне, и те, отчаянно обороняясь, металась по площадке. Вдруг закрывающий зону защитник красных споткнулся на ровном месте, и упущенная им шайба, встав на ребро, покатила вдоль борта к середине площадки. Рванувшись вдогонку Паша и синий хоккеист столкнулись друг с другом прямо над шайбой и, не устояв на ногах, с силой врезались в борт рядом с Глебом. Светлана ахнула. Красный и синий цвета формы, малиновая линия разметки, золотистый шлем сына – все разом посерело у Глеба в глазах, превращаясь в черно-белую картинку. Давно забытая тошнота подкатила к горлу, он увидел себя подъезжающим к борту с залитым кровью лицом, протягивающим руки в самодельных крагах к отцу, стоящему за бортиком.

– Папа, смотри, кровь, я весь в крови!

Отец быстро ощупал лицо мальчика.

– Слава Богу, перелома нет.

Маленький Глеб глазами полными слез смотрел на отца, клюшка в его руках ходила ходунком. Прожевав губами непонятное слово, отец развернул Глеба лицом к площадке.

– Иди играй. А кровь – она высохнет!

Операционная модель

Мариванне было под пятьдесят, но выглядела она отменно: ухоженная и, вместе с тем, очень домашняя дама. Ее аура распространялась на все оказавшиеся рядом предметы и большинство людей, во всяком случае тех, кто не сопротивлялся этому доброму воздействию. Поэтому ее рабочее помещение тоже было очень домашним, до некоторого, даже, неприличия. Ладно, цветы в горшках на подоконнике, но подушечка на кресле! Ладно – подушечка, но календарь на стене с портретом внука... Комнатушка находилась на втором этаже здания, из окна был виден памятник Есенину и часть фасада МХАТа. Может быть, на атмосферу уюта влияло еще и отсутствие мужчин – менеджер среднего звена Костя обретался в следующем кабинете, куда из комнатушки, с появлением Насти иронически прозванной им «дамской», вела стеклянная дверь. Цветы на подоконнике, картины и календари на стенах, аккуратно стоящие на столике чайные приборы, поздравительные открытки. Но дело делалось здесь свято, без сбоев и проволочек, «по правильному».

– Рубли, доллары?... Хорошо, на завтра. До свидания.

Мариванна положила телефонную трубку и, сделав отметку в компьютере, повернулась к сидящей за соседним столом девушке.

– Ну, как ты, Настя? Освоилась?

Та встряхнула длинными светлыми волосами и улыбнулась.

– Да, уже почти совсем. Спасибо, Мария Ивановна, вы мне очень здорово все объяснили.

Работа оказалась простой, для того чтобы ее выполнять было достаточно школы, знания, полученные в ВУЗе, оказались почти невостребованными. Обычный конторский дребезг, требующий аккуратности и понимания таких вещей как «поток» и «запас». Ее обязанности, часы работы, поведение других людей, как коллег, так и клиентов, оказались именно такими, какими она себе их представляла. Работа с компьютером оказалось элементарной до смешного, а бумаг в их кабинетах было даже меньше, чем можно было ожидать. Скоросшиватели с инструкциями Центрального банка, письмами Минфина и финансовыми бюллетенями занимали несколько шкафов, но папок с надписями «Клиенты» и «Договора», или хотя бы «Архив 200... год» – того, что можно увидеть в любом офисе – здесь не было вовсе.

Новый звонок телефона. Мариванна сняла трубку, коротко ответила, повернулась к Ане:

– Отец.

Та посмотрела на монитор.

– Есть.

Мариванна ответила клиенту:

– Поступили... На завтра? После трех.

Она положила трубку и тут же приняла следующий звонок.

– Кинг-конг.

– Есть.

– Да, поступили. Завтра после трех.

Было двенадцать часов дня, время зачисления средств, и звонки шли один за другим.

– Красавчик.

– Нет, не вижу. – Покачала головой Настя.

– Пока нет, когда Вы отправляли? А номер платежки?... 548, от вчерашнего числа.

Настя напряженно всмотрелась в экран, с сожалением повела плечом.

– Ничего нет.

– Не видим пока. – Резюмировала Мариванна. – Позвоните, пожалуйста, после четырех...

Не за что, Вам спасибо.

В ожидании следующего звонка Настя оторвала взгляд от экрана. За окном бульвар кишел праздношатающимися молодыми людьми, собачниками, очумело крутящими головой гостями столицы. До окончания рабочего дня все радости свободного времяпрепровождения стали ей недоступны. Ничего не поделаешь, студенческая жизнь кончилась, пришло время тянуть ляжку. Она умненькая, воспитанная, симпатичная девушка. Это ее первая работа, она осваивает отношения начальствования и подчинения, всем интересуется, внимательно слушает окружающих, уважительно к ним относится. Пока на ее рабочем столе нет ничего кроме клавиатуры, блокнота и ручки. Постепенно он обрстет чашками, канцелярской дребеденью, фотографиями в рамочках, а работа превратится в рутину и займет второстепенное место в жизни.

Отношение начальствования и подчинения... Костя, был их начальником, но Насте показалось, что Мариванна находится в более близких отношениях с руководством, чем Костя. Ей еще предстояло в этом разобраться... А может быть, она и не будет изучать эти тонкости. К чему? Она же молодая, а у них, по выражению Станислава Леонидовича, «ни чести, ни совести, у них все впереди».

Пользуясь паузой в телефонных звонках, Мариванна поправила цветочные горшки на подоконнике.

– Все, Настя, завтра сама будешь отвечать на звонки.

Настя, оторвав голову от компьютера, кивнула. На стене за рабочим столом ее наставницы, среди множества поздравительных открыток, почти затерялось объявление: «Не забудь про второй рейс».

Фитнесс

Кроссовки Рибок бежали по резиновой ленте тренажера. Светлана вытерла пот со лба, нажала кнопку, движение дорожки ускорилось. Еще пять минут и надо будет закругляться – по этим пробкам можно опоздать... Ей надо было забрать Пашу с тренировки, до этого успеть в душ, потом вырваться с проклятой парковки на улице Ямского поля и как-то добраться до Олимпийского.

Она коротко оглянулась по сторонам: персонажи все те же – две загорелые проститутки, две телеведущие с ВГТРК, инструктор фитнес-центра, крутящий перед ними лоснящимся бицепсом, седой миллионер, пауком вцепившийся в тренажер. Впервые она оказалась здесь благодаря очередной подруге Стаса, но та вскоре выбрала «мир грез» и физическая форма перестала иметь для нее значение. Светлане хватило упорства продолжать занятия одной. Уже третий год она безуспешно пыталась вытащить сюда Ленку. Или Глеба. Подружиться тут с кем-то она не стремилась, а значит, и не подружилась.

Она родила, еле успев выйти замуж, ей еще двадцати не было. И это было правильно. Как бы потом не повернулось, а примеров – множество, у нее уже был, и навсегда остается Паша. Рожать надо лет в двадцать, и будь, что будет... Мужья там, любовники... Но вышло лучше, чем она тогда, пузатая, думала. Она нашла мужчину своей жизни. Вот так, слету, разом. Она хихикнула: «по залету!». Нашла. И оказалось, что маята подружек и сверстниц обошла ее стороной. Она с первого раза прошла по конкурсу в институт и уже никогда не узнает, что значит провалиться на экзаменах, быть отсеянной, недобрать баллы, утирать на пороге слезы и сопли... С мужем вышло то же самое. У нее получилось.

Испарина выступила на лбу, капля пота щекотно прокатилась по носу и сорвалась с кончика, Света мотнула головой. Еще минуточку. Изо всех сил! Она увеличила скорость движения дорожки. Давай! Корпуса тренажеров, резиновые рукоятки, лавочки вдоль стен – все было здесь выполнено в ярких теплых тонах – желтый, оранжевый, красный, немного фиолетового. Это тоже ей нравилось, с некоторых пор она терпеть не могла голубой и черный цвета. Белесая, мутная зыбь, поплывшая перед глазами сразу после того, о чем вспоминать не хотелось... Это поганое месиво собиралось в сейсмическую полосу, черно-синюю гадостную линию, отчеркивающую одну часть жизни от другой, и всякий раз глядя на эти мертвящие цвета, она чувствовала, как механическая дрожь охватывает низ живота и начинает сводить ноги. И никаких болезненных ощущений, вот что интересно.словно ты плюшевый мишка и из тебя аккуратно вынимают куски ваты...

Она зло мотнула головой. Давай, сука! Его предыдущая подруга отвалила через два года после их знакомства. Паше уже год был, когда прозвучал последний звонок от этой истерички. Сука! Ненавижу! Давай! Мышцы ног дрожали в такт урчанию тренажера, лицо горело, струйки пота ползли по лбу и вискам, обвивали шею.

Но это тоже, наконец, прошло. Был Паша и Глеб, был дом, здоровье, фитнес в окрашенном в теплые тона спортивном зале, молодость и достаток. И были планы. И она была женой, она была замужем. И все было так классно, так здорово... А потом два этих черно-синих выкидыша...

Она сбилась с ноги, запрыгала по дорожке, ткнув кнопку, остановила ее и, положив на мокрую шею полотенце, отправилась в душ.

Трогательная марина

Смрадная фура отъехала от бензоколонки, открыв оператору вид на стоящий посередине площадки Лексус. Глеб шагнул из прохладного салона на жаркий, до озноба, асфальт, вдохнул запах горячей резины и махнул рукой в направлении окошка кассы. Через пару минут оттуда появился щуплый человечек с недовольным лицом.

– Привет! – Привычно оглянувшись по сторонам Глеб протянул оператору бензоколонки тоненькую пачку долларов. – Палычу очень понравилось, повесил в малой гостиной, хвалится перед гостями.

Фура уже была далеко, и они стояли совершенно одни на планете под названием М2, среди выпуклых полей, у серого полотна трассы, на которой в дрожащем кипятке воздуха маячили букашки далеких машин. Неяркая, светлеющая к горизонту зелень полей перемежалась пятнами и полосами леса, голубой купол неба с белыми мазками облаков замыкал огромный объем, придавал картине законченность гармонии.

– Спасибо, – длинные пальцы свернули деньги в трубочку, небрежно засунули в задний карман. – Сменщик минут через десять будет... Посидим у меня?

– Конечно.

Как обычно, проходя в комнату узким коридором, Глеб задел плечом книжный шкаф, заставленный подписными изданиями советских времен, и чуть не свалил лежащие наверху пыльные стопки газет вековой давности. Не очень ухоженное холостяцкое жилище, в трехэтажном доме шестидесятых годов постройки, в подмосковном поселке городского типа. Облупившаяся краска на подоконниках, скрипящие полы, рассыхающиеся дверные коробки. Вся комната была завешена картинами в подрамниках, еще с десятков их стоял на полу вдоль стен. На полотнах маслом и гуашью были изображены люди, собаки, лошади, пара крокодилов, еще кто-то непонятный с длинными лапами... Персонажи двигались, стояли, сидели; люди жестикулировали, дрались, обнимались. Тематика – спортивная, эротическая, просто непонятно какая. Фон на картинах был самый минимальный, элементы натюрморта практически отсутствовали.

Накрывая на стол, хозяин ехидно полюбопытствовал:

– Как там, Палыч? Не хочет заказать портрет голой внучки?

Он крутанул на ладони бутылку виски и поставил ее на стол.

– Могу также предложить трогательную марину с одинокой лирической крысой на фоне заката, или батальное полотно «Дочь миллионера, сосущая хуй у пьяного гастарбайтера».

Глеб примирительно улыбнулся. Они играли с Художником в игру советских времен – пили и разговаривали на отвлеченные темы. Больше играть в такую игру ему было не с кем. Иногда он пристраивал работы Художника, иногда покупал их для себя – с рынком у Художника отношения не очень ладилась, чем и объяснялось его многолетнее присутствие на бензоколонке. Знакомы они были со школы, и периодически Глеб испытывал искушение привлечь Художника к своим делам, поправить его бедственное материальное положение, но каждый раз интуиция его останавливала. Он понимал, что Художник – не партнер в современной экономике: не рискнет, не догонит, засомневается, а в результате – глупость хуже воровства – сдаст. В самый неожиданный момент. Когда общаешься с плохим или среднеобычным человеком, можно предполагать определенный уровень надежности (он же – предательства), но, когда перед тобой хороший человек, степень подлости, которой он может достигнуть, непредсказуема. Жизнь научила его осторожности, дистанции в отношениях. Вот он ее и соблюдал. Водка этому не мешала, он был достаточно натренирован.

– Социализм был царством свободы.

– Да, – согласился Глеб, вспомнив все освоенные им подъезды и нелепо-честных девушек, подаривших ему свою первую нежность, – социализм благоприятствовал любви. – В отсутствие денег критерии выбора были гуманистическими, ясное дело. Ближе к эстетике менестрелей... Сексуальный опыт был открытием, а не как сейчас – цитатой.

– «Будьте как лилии» – Художник хлопнул вискаря и закусил шпротиной. – Вот мы все тогда и были как птицы небесные!

Вечерние новости рассказывали об очередном захвате на море: к несоразмерно высокому борту судна бойко прилаживалась надувная лодка с вооруженными силуэтами. Художник кивнул головой в сторону экрана.

– Для меня эти ребята – олицетворение витальности человеческого рода. Прикинь – в Сомали половина населения больна СПИДом, природных ресурсов, образования, государства – ничего нет. Так что ж им, сдохнуть? Конечно, все прогрессивное человечество хотело бы именно этого. Чтобы осталось пустое побережье, на котором можно будет налепить королевских отелей. Но! Ребята с таким подходом не согласны. И вот они идут и отнимают то, что богатенькие нагло возят мимо их берега. Причем, они еще никого не убили, заметь! Меня это просто поразило, когда я узнал... Считается, что если они «бомбанут» контейнеровоз, то мореплавание в этих краях закончится – страховые компании больше не возьмутся страховать грузы. Пираты тут первые парни на деревне – накупили джипов, строительство коттеджей началось вдоль побережья, все девки ихние... Сидят по кабакам – тоже недавно возникшим – пьют с заложниками... А все потуги развитых стран их прищучить ни к чему не приводят. И, честно сказать, выглядят омерзительно – когда увешанный ракетами эсминец берет в плен надувную лодку с пятью черными – это жалко и отвратительно! Это – аморально! А не их пиратство. Они просто борются за выживание. Теми средствами – в виде ржавых ружей и надувных рыбацких лодок, которые у них есть. Их хотят сжить со света, но – вот беда! – не могут привинтить подходящий к случаю закон.

Он яростно потер нос.

– Я болею за них всей душой.

Водка одухотворяла, она всегда одухотворяет, от нее, как говорил Станислав Леонидович, еще никому хуже не стало. Истина была где-то рядом, казалось ее можно ухватить рукой, казалось, она вот-вот всплывет в следующем слове, интонации, взгляде...

– ...психологическая подоплека эсхатологических идей: личные неудачи и осознание конечности собственного бытия. В результате – «запалить бы этот свет с одного конца на другой!»

– Ну... мне всегда казалось маловероятным, что конец света придется именно на отрезок моего земного существования.

Наверное, все это было «пустое», не несло в себе не то чтобы практической ценности, но даже и намека на оную. Это было игрой в умных. Выпившему человеку вообще очень легко быть умным, надо просто говорить слова и иметь перед собой адекватного, то есть, той же степени подпитости, собеседника. Им было наплевать на практическую ценность. Они говорили с легкими улыбочками:

– ... и мы, в нашей моральной беспштаности, русской ненависти к ближнему, и тяге спиздить, интеллигентно именуемой жадой легкой наживы, быстренько превратились в африканское племя, поклоняющееся обезьяне.

– Ах ты, собака рязанская!

– Именно про это!

На стоящем в углу комнаты полотне стрекозиного изящества негр парил над застывшими внизу соперниками, собираясь вколотить мяч в кольцо. Фигуры были изображены контуром на стерильно белом фоне, но расовая принадлежность персонажей сомнений не вызывала –

овал бритых черепов, пропорции конечностей, бугры мышц. «Ничего так...» пробормотал заинтересованный Глеб. Надо будет эту штуку у Художника купить. Только попозже, сейчас говорить о деньгах не хотелось... Он поймал себя на том, что не слышал нескольких предыдущих реплик собеседника, а сейчас у него будто отложило от ушей. Художник вдруг съехал с высочайшего, присущего их беседам, уровня абстракции, и грустно констатировал.

– Люди возятся в этом муравейнике и поступают друг по отношению к другу весьма резко. Мне их жалко.

На экране беззвучно работающего телевизора в группе чиновников возникло свинцовое рыло важной персоны – тридцатилетнего здоровяка с пегими волосами. Художник сосредоточенно показал на экран пальцем:

– Второй раз этот тип мелькает, недавно назначили... Фамилия-то у него другая, но, бля буду, это родственник Палыча. Очень уж рожа...

Глеб скептически прищурил глаза.

– Да брось, просто вся твоя классовая ненависть персонифицировалась в Палыче.

– Ага, ты мне еще про руку дающую напомни.

На секунду Глебу захотелось показать Художнику раскрытую ладонь, но он решил не связываться.

Милый Вася

Седой профессор раскланялся и покинул кабинет. Перед Коммунистом, на отливающей медью поверхности стола остался лежать плотный конверт формата А3. Со снимками. Сидящий за столом человек по привычке надул было щеки, пытаясь разгладить морщины вдоль губ, но никчемность этого действия вдруг стала настолько очевидной, что сделалось неловко перед самим собой.

Конверт со снимками... Идиотская прибаутка послевоенных лет неожиданно всплыла в мозгу: «Милый Вася, я снялася в белом платье голубом! Но не в том, в каком еблася, а в совсем-совсем другом». Шутка времен черно-белой фотографии. «Милый Вася...». Девушка отправила любимому фотографию, сделав на ней дарственную надпись. Девушка тех времен, когда, если верить фильму «Весна», подруги, обнявшись за талию, ходили по пустынной набережной, покачивая широкими подолами цветастых платьев, а лирическая музыка тихо лилась над умиротворенной ночной Москвой.

Человек за столом сидел неподвижно, на все лады проговаривая замечательную прибаутку вполголоса, а потом и во весь голос, пока не тренькнул телефон и секретарша осторожно напомнила о том, что в приемной ожидает советник. Коммунист ногтем сдвинул конверт чуть ближе к краю стола и задумчиво подпер кулаком подбородок. Речь шла об активности конкурента, затевающего строительство огромных производственных мощностей в Китае. И конкурентом этими был Шутник. Вчера Коммунист отложил решение вопроса, собираясь обдумать один «резон», поскольку информация как таковая была для него бесполезной. Он уже договорился о продаже этого бизнеса ребятам из Латинской Америки и должен был подписать контракт со дня на день, как только, отодвинув прочие дела, удастся вылететь в Рио. Тем самым, планы Шутника и сам сегмент рынка его больше не интересовали. Но об этом не знал никто кроме подготовившего контракт юриста-полиглота, старого хрыча, чья еще боле старая мама доживала свой век в Швейцарском санатории на деньги Коммуниста. А привычки нанимать вешущатых заикающихся референтов у Коммуниста не было.

Он принял советника, тот повторил всю историю с самого начала, и Коммунист, не вдаваясь в подробности, заявил, что необходимость какой-либо активности в связи с выявленными фактами отсутствует. Проще было сказать: «Ничего не делайте. Забудьте. Мне по-хрену», но он всегда следил за своими словами в присутствии советника. Тот, проявив недожиданную смекалку по поводу вчерашнего «резона», предложил использовать полученную информацию альтернативным образом. Глядя на лежащий на столе конверт Коммунист отрицательно покачал головой. Вежливо помолчав несколько секунд, советник конкретизировал свою мысль:

– Можно подбросить эту информацию Бородатому, чтобы они с Шутником сцепились.

Когда прозвучало слово «Бородатому», Коммунист отвел взгляд в сторону от преданного, но ничуть не подобострастного взгляда советника, а при слове «Шутник» и вовсе отвернулся к стеклянной стене, через которую открывался вид на ухоженный парк, лес и горы вдали. Сахарные, не ведающие кариеса, клыки Альп, вырастая из серо-зеленых цинготных десен, вонзались в голубое небо. Ему послышалось, хотя вряд ли это было возможно в кондиционируемом кабинете, как чижики, соловьи, или еще какая-то гринписовская сволочь радостно щебечет за окном.

Можно было подбросить. А можно было и не подбрасывать. Пять минут назад он дал понять собеседнику, что у него нет конфликта интересов с Шутником. Потому что. Но птенец гнезда Петрова продолжал мягонько этак настаивать, подвигая его к решению: «Подбросьте и Шутнику, и Бородатому». Здоровы чужими руками... Не хватало еще, чтобы он осмелился вслух произнести коронную ментовскую фразу: «это в ваших же интересах», бесившую Коммуниста до судорог. Понятно, к чертовой матери, в чьих это будет интересах. И хотя совет-

ник замолчал вовремя, сидящий за столом человек почувствовал, как онемели у него кончики пальцев. Он перевел взгляд на далекую, украшенную лепниной, стену огромного кабинета, потом – на изгаженный фреской потолок... Слащавая итальянская мерзость! Зыбкая тошнота возникла в животе, медленно поползла вверх, остановилась в горле. Он сглотнул до хруста в ушах, тошнота унялась, толком не начавшееся бешенство уступило место апатии.

В своих бесконечных циклах «яхта-врач-самолет» он, похоже, доездили до того самого швейцарского санатория, где доживала свой век мама юриста-полиглота, и где теперь предстояло поселиться ему самому. И дай бог, чтобы на три-четыре месяца, а не насовсем. На фоне этой перспективы конструирование чужих мытарств – и, кстати сказать, совсем не смертельных! – было ему совершенно не интересно.

Советник молча и неподвижно ждал ответа. Коммунист встал из-за стола, медленно дошел до прозрачной стены, прижался лбом к прохладному стеклу. Красоты за окном намекали на свободу и счастье, на то самое, для чего человек создан как птица для полета. Действительно, он мог купить себе белоснежный Монблан, сесть голой задницей на его вершину и скатиться вниз. Это был вполне реализуемый вариант, сулящий сказочное веселье. Но лед стекла, в которое он упирался лбом и носом, напоминал о другом. Он, взирающий из огромных окон виллы на альпийские красоты, был частью системы, подвергался определенным воздействиям, был неким передаточным звеном между чем-то и чем-то. И возможность практически неограниченных трат на собственное потребление (покупка Монблана, например) положения дел не меняла. Стекло отгораживало его от непосредственного восприятия жизни, от той банальной свободы, иллюзия которой есть только в молодости, и имеет под собой вполне понятную физиологическую основу. У него, за стеклом, особенной свободы не было. Было «дело» и отношения с другими... как бы это сказать... «персонами». Сейчас он должен был завизировать совершенно ненужное ему решение и привести в действие некие механизмы. И кое-кому от действия этих механизмов станет весьма солоно.

Коммунист чувствовал, что советник за спиной напряжен затянувшейся паузой, его тяжеловесным стоянием у стены с упертым в стекло лбом, но ему было плевать. Он действительно ничего не решал в этой ситуации, просто давал отмашку. Механизмы придут в движение и без его согласия. Эти не отвяжутся... Рано или поздно он повернется и кивнет головой или как-то иначе выразит свое согласие. Глядя на него можно было подумать, что вынужденность ответа его унижает, и именно поэтому он тянет время, но это было не так. Коммунисту было наплевать на мнение советника, на ответ как таковой и на «персон». Ему теперь вообще было наплевать на все, кроме лежащего на столе конверта.

Управление риском

Попрощавшись с клиентом на рецепции банка, Глеб столкнулся в коридоре с быком Серегой, держащим в руках черный полиэтиленовый пакет. Мужчины обменялись рукопожатием, и Глеб кивнул в сторону пакета:

– Все нормально?

– Да, отлично! – Бык ослепительно улыбнулся.

– Слушай, хотел тебя попросить... шаху дашь покататься?

– Не вопрос! В любой момент! На сервис заезжай, ключи у Васильча, или у охранника, когда все закрыто... Ну, как обычно, одним словом.

– Техосмотра на ней нет?

Бык присел в ироническом «книксене».

– Извиняйте барин!

Мариванна штамповала документы, безошибочно выбирая нужные печати из заполнившей половину столешницы кучи. Настя подняла голову при появлении Глеба, Стас, присевший на крае ее стола, замолк на полуслове.

– Здравствуйте! – кивнул всем присутствующим Глеб и повернулся к Мариванне. – Евро по пятьсот у нас найдутся?

– Сколько?

Он написал сумму на бумажке, и Мариванна отправилась узнавать. Стас, наклонившись к Насте, продолжил историю про то, как он, работая в советской конторе, был угнетен дурой начальницей, написавшей, уезжая в командировку, ему на нескольких бумажках столько заданий, что и за три месяца не сделать.

– Ну, самую мерзкую бумажку я выкинул. А про остальное, когда она вернулась, сказал, что не понял, как это делать. Посмотрели, конечно, как на идиота, но – ничего...

В результате, пока начальницы не было, юный Стас оказался в кабинете один, и они с коллегой-собутыльником Васей целых две недели пили портвейн и играли в шахматы на протяжении всего рабочего дня. В один из таких дней Стас, выходя вечером из конторы, споткнулся на ступенях в вестибюле, упал, и моментально уснул. Вася со швейцаром перенесли Стаса в кресло и прикрыли ему лицо газеткой, поскольку к выходу валом шли сотрудники...

Настя слушала не очень внимательно, время от времени поглядывая на Глеба. Когда у Стаса зазвонил мобильник, и он вышел из комнаты, она нерешительно произнесла:

– Глеб Сергеевич, я хотела спросить... Что такое «Байда»?

– Это то, чем Вы занимаетесь, Настя.

Он отвернулся и посмотрел в окно. На улице дождь выбивал пузыри из черных луж, машины медленно ползли вдоль бульвара, пешеходы сталкивались зонтами. Маленькая собачка сорвалась с поводка и радостно плескалась в луже к ужасу беспомощно застывшей на суше хозяйки.

Не все надо человеку объяснять, до некоторых вещей он должен доходить сам. Мариванна и Костя конечно объяснили новой сотруднице последовательность действий, научили ее рутинным операциям, а экономическую суть, скорее всего, замолчали. Пусть, дескать, сама сообразит. С одной стороны, это глупо, а с другой – очень уж не хочется некоторые вещи произносить вслух. Да и на сумасшедшую она не похожа. Он украдкой посмотрел на сосредоточенно всматривающуюся в монитор девушку, которую он, похоже, оттолкнул своим ответом. Хорошенькая... Сегодня Станислав Леонидович изображал «орла», поэтому прозвучали шахматы и портвейн. Изредка он изображал православного, тогда история была про внезапно сорвавшуюся с приборной панели икону и, ровно в этот момент, появившийся на спидометре

показатель пробега: 666 километров. Видимо, присмотревшись к этому, по его выражению, «свежему мясу», обратив внимание на спокойный, умный взгляд ее серых глаз, Стас решил, что мистикой Настю не проймешь.

Мариванна вернулась одновременно со Стасом и протянула Глебу конверт с деньгами. Станислав Леонидович кивнул головой, указывая на конверт:

– С «ВК» встречаешься?

– Да, давно не виделись.

Тон ответа свидетельствовал о том, что в данной аудитории Глеб считает этот вопрос неуместным.

Дверь до блеска вымытого Мерседеса захлопнулась, машина миновала решетчатые ворота особняка на Неглинной и встроилась в поток. Лысеющий мужчина с худым нервным лицом застыл на заднем сиденье. Сцепленные пальцы рук он уместил на колене, глаза закрыл. Машина толкалась в потоке, «Ретро-ФМ» булькало джазом. Мужчина медленно разъял пальцы, его лицо немного разгладилось, и он открыл глаза.

– Николай, мне цветы нужны, тормозните где-нибудь.

– Сделаем, Виктор Константинович.

– И на Масловку.

– Есть.

Виктор Константинович медленно и глубоко вдохнул, и снова закрыл глаза.

Мерседес остановился у длинного кирпичного дома на Нижней Масловке. Виктор Константинович вышел из машины и направился в арку, держа в руках огромный букет цветов. Пройдя двор насквозь, он оказался в тихом переулке. С одной стороны улицы тротуар был чисто выметен, с другой, заставленной фурами, противно зарос пылью, паутина свисала с брезентовых бортов навеки припаркованных здесь грузовозов. Между их корпусами приткнулась древняя «шестерка», бампер машины погнут, на мойке она была в еще прошлом веке. Виктор Константинович открыл заднюю дверь и сел в машину, предварительно погрузив в салон букет цветов.

Сидящий за рулем Глеб повернулся к пассажиру.

– Здравствуйте.

– Того же.

– Ну, как там?

– Ничего нового... Вас пока не упоминали – ни по какому поводу.

Виктор Константинович говорит негромко, уткнувшись носом в букет. Присутствие в этом месте, весь этот разговор и собеседник, вызывают у него ощущение если не зубной боли, то, во всяком случае, дискомфорта.

– Перестановок никаких? Вы – на месте? Переводить никуда не собираются?..

– Ничего нового, я же говорю.

– А шефа?

– Нет. Он предупредит, если соберутся.

– А кто на очереди?

– Они уже знают.

Глеб, продолжал сверлить собеседника взглядом, наконец человек со скопческим лицом неохотно произнес:

– Вас это не касается.

– Не входит в сервис? – Не смог удержаться Глеб.

Хрустнув букетом, Виктор Константинович пробубнил:

– Если у вас все, то я пошел.

– Номера помните? Наберите, я не буду отвечать.

– Смеетесь? Я позвоню, только при известных Вам обстоятельствах.

– ОК – Глеб протянул пассажиру блокнот и ручку. – Напишите: хочу проверить, давно мы не встречались.

Виктор Константинович целиком загордился букетом.

– Заберете листок с собой, просто мне покажете.

Взяв ручку вялыми пальцами, пассажир вывел на вырванном из блокнота листке несколько цифр и показал Глебу.

– И второй тоже. Не перетру'дитесь.

– Я Вам не школьник – проворчал Виктор Константинович, но все-таки написал на листке еще одну строку.

Отправляясь возвращать «шестерку» Глеб специально дождался позднего вечера, чтобы не толкаться на выезде из Москвы – заезжать к Быку в гараж удобнее всего было с кольцевой. Дорога оказалась свободной, но, почти сразу после выезда на МКАД руль потянуло влево. Прокол? До места оставалось еще километров семь, на пробитом не дотянешь... Впереди виднелась вывеска шиномонтажа. Он перестроился, подрулил, остановился под навесом у закрытой железной двери. Снаружи никого не было, ни клиентов в очереди, ни скучающих монтажников. Внутри, в заваленной шинами комнате яркие постеры стелились по грязным стенам, а на диване отдыхало пятеро узбеков.

– Посмотрите колесико – сказал он, обращаясь к постерам.

Толстый узбек охотно поднялся, подтянул рукава синего комбинезона.

Случайность. Нефарт. Ерунда, не имеющая сегодня значения, не критичная мелочь. На дороге всегда есть риск проколоть колесо, ну и всякие другие риски тоже. Глеб вышел из оклеенной постерами комнатухи, бессмысленно уставился в пространство, закурил.

Вот ты – умный. Скажи, какова твоя стратегия в отношении риска? Ты прочитал, наверное, все слова, что написаны на эту тему, у тебя есть куча сертификатов по общему и банковскому менеджменту, управлению проектами и управлению рисками. Ты – субъект риска и твой риск заключается в том, что однажды, не вовремя, посмотрят в твою сторону и моментально все станет ясно. Совершенно некстати придут, вскроют хранилище и зададут вопрос... нет, даже не так, вопрос зададут потом, те, кому не досталось. А вынесут из хранилища первые, они вопросов задавать не будут. Но, в общем и целом, система тебя сломает, поставит раком, выведет на чистую воду, преодолеет. И, может, быть покажет по телевизору. А уж из «Коммерсанта» позвонят наверняка.

Что говорит теория, как бороться с этой потенциальной неприятностью? Как подстелить соломку? Известны стратегии реагирования на риск, например, уклонение – отказ от мероприятий, коим свойственна указанная неопределенность. Возможна ли? Такая стратегия означает выход из бизнеса, закрытие лавочки, лежание на печи с головой, засунутой под подушку. Ладно, думаем дальше.

Еще есть стратегия передачи риска. Можно захеджироваться так, что никакой прибыли не получишь. Передача... Понятно, правильно, и, в его случае, абсолютно неприменимо. Никто не подпишется. Характер риска таков, что покупателя на этот товар не найдешь. То есть, конечно, получить премию номинальные покупатели не откажутся, но, когда дело дойдет до негативных последствий...

Шаху поддомкратили, колесо сняли, и длинный хлопек унес его внутрь мастерской. Машина была хорошенько заляпана грязью, Глеб нашел в салоне старую газету и принялся протирать стекла. Трасса гудела рядом, невидимые в ночи массы неслись мимо, рассекая воздух, размеры машин с трудом угадывались по дистанции между габаритными огнями.

Теория предлагала еще две стратегии: снижения рисков и их принятия, пассивного и активного. Снижение, да, этим он занимался, только что. Мониторинг риска влетал в копеечку и не давал никаких гарантий (само собой, ведь контракт не подписывался, обязательства оставались только устными, пиздюк, вылезший из машины с букетом в руках, был всего лишь информатором). То есть, это был лучший из худших путей, то небольшое, что оставалось. А в чем, кстати, состоит риск чиновника, дающего неформальные обязательства? Как его ухватить, ежели что? Никак, пожалуй... Плюй в глаза – божья роса...

Долговязый парень вынес из мастерской колесо, присел рядом с машиной, принялся устанавливать его на место. Вопросительно посмотрев на толстенького узбека Глеб потянул деньги из кармана.

Динамо

– И что мне теперь с этим делать?

Два пожилых человека стояли в сквере у ближнего к центру города выхода из метро Динамо в одиннадцатом часу вечера. Очень жаркий день заканчивался сизыми, очень теплыми сумерками. Ветра не было, и дневная бензиновая гарь неподвижно висела в воздухе. Ленинградский проспект ровно гудел, и посверкивал габаритами на расстоянии пятнадцати метров отсюда, сосисочные ларьки у входа в метро обросли очередями, молодежь бесстрашно выпивала на лавочках.

– Что хочешь. Можешь оставить себе, продать или подарить.

– Но я в этом ни черта не понимаю.

– Я тоже. Могу только догадываться, что если это было интересно шефу, то может быть интересно и другим персонажам аналогичного уровня и склада характера.

Некоторое время собеседники молчали, потом автор последней реплики пожал плечами.

– Впрочем, это не мое дело. Мне было велено передать тебе то, что я передал и еще сказать, что «это» и есть твой гонорар за услугу. Пока заказов больше не будет.

– Очень красиво!

– Да, я считаю, достаточно изящно. Если шефу что-то не нужно, он это выбрасывает.

– Я говорю, очень красиво вы со мной поступаете.

– Может, хочешь поспорить?

Тот, кого он спросил, инстинктивно сделал полшага назад, и собеседник это заметил.

– Брось, мы не в том возрасте...

Отступивший на полшага человек открыл было рот, но затем, придвинувшись ближе к собеседнику, заглянул ему в глаза и вопросительно качнул подбородком. Похоже, он пытался узнать, не хочет ли тот сказать что-то еще, но задавать этот вопрос вслух не стал. Собеседник сделал удивленное, насколько, это можно было разглядеть в тени листвы, лицо, вопросительно взглянул на пропустившего свою реплику человека и даже подчеркнул свое недоумение, слегка разведя руками. Вопросивший снова, уже медленнее, как-то разочарованно, отодвинулся на полшага назад и вежливо закруглил разговор.

– Ладно, и на том спасибо.

Он все-таки что-то прочитал в поведении собеседника, и намеренно не стал тянуть паузу, сразу повернулся через левое плечо, обозначая уход, но чувствуя, что это еще не конец разговора.

– Я тут подумал, – примирительно протянул стоящий в тени листьев человек, – можно пошукать среди наших...

– На кладбище? – с готовностью подвинулся к консенсусу разочарованный.

– Поближе. – Собеседник усмехнулся. – В клубе одноногих ветеранов.

– Там много разных людей.

– Много. – Согласился его оппонент. – Разных.

– Да, это мысль. – Тон разочарованного собеседника был прямо противоположен смыслу слов. – Все-таки, если что нарисуетя по моей части, позвони.

– Конечно. Но пока – пауза.

– Я понял, понял.

Они кивнули друг другу и разошлись в разные стороны, обойдясь без рукопожатия. Человек, упоминавший в разговоре шефа, миновал ближайший вход метро, неторопливо дошел до дальнего, минут десять потоптался у витрин магазинчиков, затем спустился вниз, к поездам. Тот, за кем осталась последняя реплика, двинулся в сторону Белорусского вокзала. Теперь, когда разговор закончился, изображать вежливость было ни к чему, но он все равно следил

за лицом. Как всю жизнь. Как учили. Ему было все абсолютно понятно и, в силу этого понимания, очень противно. Толстосумы быстренько усвоили все конторские приемы обращения с персоналом (что было совершенно неудивительно, учитывая, сколько среди тех толстосумов и их советников оказалось бывших конторских, хотя упомянутый «шеф» к их числу не относился). Ему предложили сделать еще одну работенку, заранее объявив, что платить за нее не собираются.

Он дождался зеленого сигнала светофора и перешел на другую сторону улицы. «Много!» «Разных!» Молодцы, нечего сказать. Хотят, чтобы он подкинул ставшую ненужной им информацию другим типам, такого же, как его теперешний заказчик уровня. Конечно, тому, кого это в первую очередь касается: балбесу, не умеющему толком подбирать кадры, хозяину заикающегося мальчишки. И кому-то еще. А кому? Послали его отгадывать загадки... Ладно, он отгадает, не в первый раз... Мерзкие, однако, типы...

Он предусмотрительно шел по менее освещенной стороне улицы, и как обычно следил за лицом, но тут что-то в голове сбилось. От возраста, наверное... ведь все болезни – от возраста, один сифилек от удовольствия. Когда он подумал, что типы – мерзкие, улыбка коротко скользнула по его губам. Конечно, мерзкие! Такие же, как он сам.

Логически мыслимые варианты

Телки были отменными – длинные ноги, упругая загорелая кожа, похабные губы. Каскады длинных волос – каштановые и рыжие – колебались в такт движениям, рисовали озвученный цокотом каблучков рекламный ролик, кульминацией которого были сдержанные, но тем более зовущие, движения бедрами...

Входная дверь еще закрывалась, плыла к металлическому шелчку, шмотки веером летели по комнате, а Стас уже вставил рыжей, и каштановая, разгадав его жест, мигом приникла лицом к заднице и засунула язык в анус. О таком можно только мечтать. Такое редко случается и нет большего кайфа, чем осваивать одну невесту и ощущать язык другой у себя в заднице. Все трое двигались легко и слаженно, словно были давно и близко знакомы, и с детства, со школьной, мастурбирующей скамьи, привыкли угадывать желания друг друга. Ему даже не хотелось кончать, потому что нельзя было прерывать эту идиллию, мешать этому чуду. Он жил в них, над и под ними, и девчата своими животными ангельскими порханиями дополняли его мясистую, пахнущую духами и потом витальность...

Приятно было и то, что ничего не надо было им платить. Ему было не жалко денег, но девчонки запали на него по случаю, как это всегда и бывает, посмотрев на его тачку, костюм, лицо, манеры. То ли они были любовницами старичья, то ли сами зарабатывали на жизнь в модельном бизнесе, а может просто учились на родительские деньги – не важно. Чтобы получить женщину (двух) готовую отдаться без денег, надо эти самые деньги актуально иметь. Надо, чтобы это было написано у тебя на лице (а где ж еще это может быть написано?). А такая же херня за наличные или по кредитной карте была бы унижительна, факт выплаты вознаграждения свел бы все к банальному акту предоставления услуги, рыночному дерьму и лицемерию...

Они уже лежали по-другому, он зарылся носом в кисло-сладкие лепестки, держал в руках вздрагивающие ягодицы, его член был где-то далеко, с той стороны Луны, он рос там в кратере Венеры, колыхался в Море Влажности...

Выдохнув спермой в рот рыжей он отвалился на спину, поднес к губам чью-то ступню, закусил длинные пальцы. Как еще? Как? Все логически мыслимые варианты он уже попробовал. Ему лениво вспомнился сочнозадый трансик с взглядом испуганного олененка и длинной, расслабленной дудочкой – его первый... Что еще можно было **присовокупить**? Сдать собственную задницу в аренду детям гор или лоснящимся культуристам? Но его к этому не тянуло физиологически. Других мотивов тут быть не могло, только да или нет, хочу или не хочу, нравится и не нравится. У рожденных для счастья людей иных драйверов не было.

Девицы уже засыпали, по-детски посапывая, переплетя ноги, улыбаясь. Их волосы легкой неизвестной физике субстанцией рассыпались по подушкам – густой, источающей запах дорогой косметики, паутиной.

Он дошел до холодильника, кафельный пол охлаждал ступни, луна любопытным глазом лезла в окно, хотя самое интересное уже кончилось, идеально круглая, четким контуром вырезанная на безоблачном ночном небе. Холодный сок обжег горло, медленно сполз в желудок. Он сидел в кресле, поджав к груди ноги. Теплые девчонки спали в соседней комнате, но возвращаться туда пока не хотелось. Завтра утром он соберет вещички и освободит дом, в котором прожил почти семь лет. Ребята из агентства недвижимости начнут водить сюда потенциальных покупателей и гораздо удобнее, передав им ключи, пожить месяц-другой на съемной хате, чем сталкиваться нос к носу с алчным пришлым людом. Так и для дела лучше – купить незаселенное, без залежей грязных носков и измочаленных зубных щеток, помещение психологически гораздо проще.

Он сидел неподвижно, пауза была и в движении, и в мыслях, некоторое время он не думал вообще ни о чем, а потом, постепенно, стало возникать ощущение пустоты, словно внутри у него ничего не было. Поначалу это ощущение было даже приятным, оно словно опосредовало его от мира, освобождало, уводило во вселенную чистого разума... Опосредовало, в первую очередь, от собственного тела. Снаружи которого была кожа, под ней – мышцы и, наверное, кости, а еще глубже должны были быть так называемые внутренние органы, желудок, селезенка, сердце, в конце концов. Но там, похоже, ничего не было. По ощущениям, так сказать...

Его лицо (которое снаружи) было обращено к висящей на стене картине – репродукции Кандинского, или еще какого-то бессмысленного хуеплета. Стена была оклеена обоями или покрашена краской, бог весть, во всяком случае, она была приятного розового цвета и слегка топорщилась какими-то разводами, имела объемную фактуру. Это все было снаружи, как и холодильник, стакан с соком, кресло и пол, на котором оно стояло. Потом... и с этим «потом» было уже сложнее, потому что теперь он не зависел от времени, оно словно остановилось, и непонятно было, сколько обычного времени отделяет его «сейчас» от того момента, когда все началось, сколько времени длится это «потом»? Потом ощущения стали менее приятными, помимо нутра ощущение пустоты заняло мозг. Теперь он чувствовал себя перекаати-полем, существом без роду, без племени, чем-то, что может говорить какие-то слова, может даже улыбнуться или встать, задрав ногу, и стоять так целую вечность, но ничего при этом не почувствует – ни в том, ни в другом, ни в третьем случае, потому что – нечем. Люди представлялись ему надувными куклами, манекенами, никчемно говорящими слова. Он ничего от них не хотел, и они не были ему нужны. Из него вылилась сперма и он был сыт, а раз так, то чего можно хотеть от людей, не разговоров же? Людям ведь нечего сказать друг другу, их слова просто средство получить от вас то, чего они хотят когда голодны и пока из них не вылилась сперма.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.